

Чтобы не праздновать у себя въ имѣніи нашего сельскаго праздника, именно въ этотъ день выѣхалъ я изъ Мценска къ себѣ. Дорога какъ есть *in naturalibus*, безъ всякихъ улучшеній, еще стала непроходимѣе, погода гораздо холоднѣе, а у меня не было шубы. По недостатку всякой другой теплой одежды я получилъ довольно острую ревматическую боль въ плечахъ и рукахъ до локтей. Простудный ревматизмъ и послѣ часто ко мнѣ возвращался, насилу я отъ него отдѣлался.

Мнѣ бы хотѣлось представить здѣсь въ первый разъ по вступленіи моемъ въ дѣйствительное, уже не отроческое управленіе всѣми моими дѣлами довольно подробное описаніе Михайловскаго и того положенія, въ которомъ оно находилось въ концѣ 1822 и въ началѣ 1823 г. Одна изъ главныхъ задачъ моихъ «Записокъ» состоитъ въ томъ, чтобы представить какъ собственно для себя, такъ и для немногихъ моихъ читателей сравнительно вѣрный, безпристрастный очеркъ отношеній крѣпостныхъ крестьянъ, а равно и дворовыхъ къ ихъ помѣщикамъ этого времени, т.-е. почти за 40 послѣднихъ лѣтъ существованія у насъ крѣпостного права до 1861 г. Задача трудная, требующая полнаго систематическаго обозрѣнія, врядъ ли удастся мнѣ съ ней справиться, какъ бы хотѣлось. Вообще о Михайловскомъ

---

1) Записки Д. Н. Свербеева. М. 1892 г. Т. II. Стр. 27—77.

можно и должно сказать: земля великая и обильная, но въ ней, какъ и во всей Россіи, порядка не было. Въмѣсто князей изъ варяговъ призывались туда по временамъ и свои и иноплеменные управляющіе, а порядка все не было. Какіе были улучшенія и успѣхи справедливѣе будетъ приписать ихъ не мнѣ и не поставляемымъ мною дѣятелямъ, но одному времени.

Прежній управляющій, Шиловъ, умершій скоропостижно отъ водки, былъ бы хорошимъ хозяиномъ, если бы не былъ крѣпостнымъ дворовымъ человѣкомъ. Слишкомъ высоко держалъ онъ себя надъ всею массою мужиковъ и потому, что онъ самъ былъ другой касты—изъ старинныхъ дворовыхъ, и потому, что былъ, такъ сказать, ученый въ сравненіи съ невѣждами. Онъ зналъ, конечно отчасти, и математику и землемѣріе, и на бѣду его и мою, изучая кое-какіе указы, прельстился ябедничествомъ, заводилъ пустыя дѣла по судамъ и охотнѣе ими занимался, чѣмъ сельскимъ хозяйствомъ. Николаю Сергѣевичу Тарасову досталось имѣніе для управленія въ самомъ распущенномъ видѣ. Послѣдній былъ менѣе уменъ и менѣе грамотенъ, чѣмъ Шиловъ, но зато трезвѣе и честнѣе. Онъ былъ изъ мелкихъ серпуховскихъ дворянъ, нигдѣ и ничему не учился, прослужилъ года четыре въ гусарахъ и, вышедъ въ отставку лѣтъ 30, управлялъ очень небольшимъ своимъ имѣніемъ, селомъ Ящеровымъ, подъ городомъ Серпуховымъ, служа передъ женитьбой, во время предводительства моего отца, въ этомъ уѣздѣ, по выборамъ, земскимъ засѣдателемъ. Съ своими крестьянами обращался онъ круто, иногда жестоко,—однимъ словомъ такъ, какъ и всѣ, особливо мелкопомѣстные помѣщики, по произволу, по капризу. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что самое вѣрное средство увеличивать доходы—засѣвать какъ можно больше полей. Урожай де зависитъ отъ Бога. На дѣлѣ выходило напротивъ. Дурно обработанныя и большею частью совсѣмъ не удобренныя поля давали весьма плохіе урожаи и усиленный, съ грѣхомъ пополамъ, барщинскій трудъ, не стоившій ничего, будучи даровымъ для помѣщика, изнурялъ крестьянъ. Такъ бы повелъ онъ хозяйство и у меня, если бы я, слѣдуя болѣе разумной системѣ, введенной моимъ отцомъ, ея не поддерживалъ. Я потребовалъ отъ Тарасова, чтобы опредѣленное количество полей не измѣнялось; чтобы рабочія тягла произвольно не увеличивать; чтобы крестьяне не отправляли барщиной никакихъ другихъ постороннихъ сельскому хозяйству работъ, какъ-то построекъ и т. д.; чтобы отнюдь не мѣшались въ ихъ браки; чтобы рекрутъ отдавали по очереди, предоставляя управляющему право отдавать въ солдаты прежде

очередныхъ крестьянъ неисправныхъ или дурного поведенія; чтобы всѣ крестьяне разбирались между собою, или если дойдутъ съ жалобами своими до помѣщичьей конторы, то не иначе, какъ сельскими старшинами въ присутствіи управляющаго; чтобы всѣ наказанія и штрафы взыскивались въ конторѣ и записывались въ книгу и т. д. Все, что я могъ придумать и придумывалъ въ послѣдствіи для огражденія крестьянъ отъ каприза управляющаго и его помощниковъ, едва ли приводилось въ исполненіе, но неизбѣжно довело крестьянъ до своеволія и распущенности, а управляющаго и все его правленіе до сонной лѣни. Мужики, однако, послѣ Шиловскаго управленія, видимо, поправлялись, зато доходы, какъ бы слѣдовало по возвышенію цѣнъ, не увеличивались, но и не уменьшились; я былъ и тѣмъ доволенъ. По излишней моей бережливости на себя, богатый бѣдностью моихъ прихотей, я, слава Богу, никогда не страдалъ жадностью къ деньгамъ.

Теперь нѣсколько словъ о самихъ крестьянахъ: всѣхъ ихъ вообще можно было раздѣлить на три части: на зажиточныхъ, семейныхъ, изворотливыхъ и отъ природы болѣе умныхъ; на среднихъ, которые существовали еще сносно, и, наконецъ, на голъ и бѣдняковъ по собственной винѣ или по обстоятельствамъ, съ которыми они не умѣли справиться. Послѣдніе, а ихъ было порядочная масса, были еще болѣе крѣпостными у односельцевъ своихъ богатыхъ, чѣмъ у помѣщиковъ. Всѣ вообще находились подъ моимъ главнымъ патріархальнымъ завѣдываніемъ, которое я продолжалъ по мысли моего отца и по моимъ собственнымъ выводамъ изъ идей христіанскихъ и философскихъ о правахъ человѣка, который не долженъ быть ничьей вещью, т.-е. рабомъ.

Никакъ не могу въ моихъ «Запискахъ» отбояриться отъ отступленій и не сказать здѣсь нѣсколько словъ о бывшемъ крѣпостномъ состояніи въ Россіи.

По обычаю крѣпостной часто былъ продаваемъ явнымъ образомъ даже не помѣщику, но какому-нибудь чужому, зажиточному, также крѣпостному крестьянину, который пріобрѣталъ его покупкой на имя своего помѣщика, съ тѣмъ, чтобы купленнаго отдать за свою семью въ рекруты. Такое вопіющее злоупотребленіе вынудило издать законъ еще до уничтоженія права продавать людей безъ земли, запрещающій отдавать въ рекруты людей прежде истеченія года до пріобрѣтенія ихъ покупкой. Различныя сдѣлки торга людьми въ рекруты введены въ обычай столько же помѣщиками, какъ и крестьянами. Про-

слѣдимъ всю исторію этого торгоа. Прежде торговала людьми въ рекруты сама казна и безстыдно пользовалась такимъ средствомъ умноженія государственнаго дохода. Въ доказательство приведу одинъ изъ самыхъ возмутительныхъ примѣровъ, который, однако, въ свое время едва ли осужденъ былъ общественнымъ мнѣніемъ.

Одна княгиня сама по себѣ принадлежала семейству, отличавшемуся христіанскою образованностью и умственнымъ развитіемъ. Она соединяла въ себѣ и то и другое. Вышедъ замужъ уже не молодою за извѣстнаго въ Москвѣ разорившагося богача, она, расчетливая и способная на всякое дѣло не по-женски, съ первыхъ дней своего замужества взялась за устройство имѣній мужа, близкаго къ окончательному разоренію. Обозрѣвъ имѣніе и поселившись въ одной изъ деревень, тотчасъ же продала она казнь 700 рекрутскихъ зачетныхъ квитанцій и получила такимъ образомъ 700.000 рублей ассигнаціями за отданныхъ ею изъ всѣхъ деревень рекрутъ въ зачетъ будущихъ наборовъ. Въ настоящее время необходимо для позднѣйшихъ поколѣній объяснить принятую ею мѣру для уплаты долговъ, лежавшихъ на мужѣ. Продавая людей въ рекруты за деньги, она не освобождала нисколько своихъ имѣній отъ рекрутской повинности. Примѣръ княгини, по счастью, не имѣлъ подражателей между порядочными зажиточными помѣщиками, зато у мелкопомѣстныхъ такіе случаи встрѣчались и могли находить извиненіе въ ихъ вѣчной нуждѣ, въ ихъ постоянномъ убоженствѣ. Съ своей стороны зажиточные крестьяне и особливо нашихъ сѣверныхъ промышленныхъ губерній, покупали у различныхъ помѣщиковъ зачетныя квитанціи или самыхъ людей, годныхъ въ рекруты, а когда вышелъ законъ не ставить въ солдаты купленныхъ прежде года, покупщики держали ихъ въ работникахъ при себѣ подъ строжайшимъ присмотромъ, чтобы они не сдѣлали умышленно надъ собою какого-нибудь вреда и оставались бы годными въ отдачу, какими были по осмотру при самой покупке. Вспомнимъ, что попечитель университета Голохвостовъ тщательно осматривалъ покупаемыхъ имъ людей, хотя, впрочемъ, онъ и не покупалъ ихъ для отдачи въ рекрута, а на всякій случай.

Если иные неразборчивые помѣщики и по бѣдности и по общей грубости помѣщичьихъ нравовъ имѣли обычай продавать въ рекруты своихъ крѣпостныхъ, преимущественно дворовыхъ, которыхъ можно было всегда продавать безъ земли, то, съ другой стороны и къ постоянному моему изумленію, знатные, чи-

новные, богатые и даже передовые, по своему образованію, помѣщики позволяли своимъ богатымъ крестьянамъ, поощряли ихъ покупать людей въ рекруты за свои семьи. Мнѣ пришлось не одинъ разъ убѣждать и нашихъ богатыхъ и нашихъ образованныхъ рабовладѣльцевъ въ томъ, что покупка людей есть тоже вопіющее злоупотребленіе. Занимаясь дѣлами двухъ крупныхъ помѣщиковъ, я рѣшительно отказалъ имъ въ моемъ на этотъ случай содѣйствіи. Богатые крестьяне, которымъ я отказывалъ подписывать по довѣренности купчія на продаваемыхъ въ рекруты людей, обратились тогда къ своимъ господамъ, и обреченные на солдатчину люди помимо меня, чрезъ другихъ повѣренныхъ, были просителями куплены. Господами приобрѣтателями были: одинъ извѣстный не богатствомъ, за то высшею своею образованностью и авторствомъ князь, и другой—тоже князь, очень богатый и очень добрый. И не они одни позволяли своимъ рабамъ-крестьянамъ покупать чужихъ рабовъ-крестьянъ. Два мои указанія на помѣщиковъ, коротко мнѣ извѣстныхъ, изъ тѣхъ многихъ, которые всѣ, безъ исключенія, по обычаю злоупотребляли своими правами, отнюдь не есть, въ моихъ глазахъ, личное имъ обвиненіе. Вина была не въ нихъ, а въ сущности самаго права, и потому, не дѣлая никому укора, приведу еще примѣръ подобныхъ злоупотребленій, которыя, вѣроятно, были допускаемы многими крупными помѣщиками въ размѣрахъ, несравненно болѣе увеличенныхъ. Богатые помѣщики позволяли своимъ богатымъ крестьянамъ приобрѣтать на свое имя людей въ рекруты цѣлыми семьями и даже цѣлыми деревнями. Мнѣ, можетъ быть, не повѣрять, а потому я приведу одинъ случай, также мнѣ коротко извѣстный. На время своего отсутствія за границу родственница моя, сосѣдка по имѣнію, просила меня завѣдывать ея имѣніями въ разныхъ губерніяхъ. Всѣ ея крестьяне были на оброкѣ, и на всѣхъ нихъ накопились большія недоимки, допущенныя слишкомъ добрымъ, а потому слишкомъ слабымъ ея управленіемъ. Познакомившись нѣсколько съ дѣлами, я сказалъ ей, что собирать старыхъ, запущенныхъ недоимокъ не буду, за то ручаюсь, что годовой настоящій оброкъ доставлю ей вполнѣ. Для приведенія въ исполненіе моего обѣщанія я долженъ былъ принять тѣ же самыя мѣры, крутыя, насильственные, какія ввелъ я въ моихъ собственныхъ оброчныхъ имѣніяхъ. Я предписалъ всѣмъ вотчиннымъ начальникамъ: 1) что отнынѣ за несвоевременный платежъ настоящего оброка воспрещаются, до совершенной его уплаты, браки въ домахъ и семьяхъ тѣхъ хозяевъ, на которыхъ окажется не-

доимка, и 2) годные въ этихъ семьяхъ въ рекруты люди будутъ мною отдаваться прежде очередныхъ. Послѣ моихъ распоряженій объявленъ былъ рекрутскій наборъ. Заслуженный бурмистръ богатаго ярославскаго имѣнія моей родственницы, села Михайловскаго (имя его я забылъ), вмѣсто списка недоимщиковъ выслалъ мнѣ одинъ только списокъ очередныхъ и просилъ моего разрѣшенія на отдачу въ рекруты по заведенному у нихъ порядку. Я вызвалъ бурмистра къ себѣ въ Москву для объясненія и рѣшительно повторилъ ему приказаніе ставить въ рекруты напередъ людей изъ семей недоимщиковъ, ибо, несмотря на явную зажиточность подгороднаго ихъ села, у нихъ и новый оброкъ за этотъ годъ, не говоря уже о старыхъ недоимкахъ, уплачивался неисправно. Бурмистръ отвѣчалъ мнѣ и довольно грубо: «У насъ этого не водится, мы никогда изъ всего нашего села рекрутъ не ставимъ».—Какъ же такъ? А этотъ очередной списокъ, подписалъ его ты?—«Я. Да это очередные деревни Казанки». Какой деревни Казанки? У меня въ описи имѣній вашей помѣщицы нѣтъ ни одной подъ этимъ названіемъ.—«Да деревнѣ Казанкѣ не слѣдуетъ быть въ вашей описи, она не княжны, а наша».—Что за чертовщина! Какъ же она ваша, а не княжны?—«Извольте видѣть-съ. Мы самую эту деревню (душъ 50 или 60) по сосѣдству съ нами купили за себя еще при покойномъ князѣ, отцѣ нашей барышни, и на его имя съ тѣмъ, чтобы за село свое ставить изъ нея людей въ солдаты. Такъ это съ тѣхъ поръ и ведется законно. Вы тоже, сударь, эфтимъ насъ не обидьте, потому что это самой княжнѣ все извѣстно». Какъ ни твердо, казалось мнѣ, зналъ я всю азбуку нашего крѣпостного права, но такой отвѣтъ изумилъ и меня совершенно неизвѣстнымъ мнѣ до того времени новымъ проявленіемъ крѣпостничества. Подумавъ и помолчавъ нѣсколько минутъ, я продолжалъ мое дослідованіе, обратившись къ бурмистру, стоявшему передо мной, какъ бы ни въ чемъ не бывало, въ полномъ сознаніи своей правоты, съ новыми вопросами: Ну, что же? эти казанскіе крестьяне на барщинѣ или на оброкѣ?—«На оброкѣ-съ». Кому же они платятъ?—«Вѣстимо намъ. Вѣдь купили ихъ мы».—По-скольку?—«По-скольку мы платимъ княжнѣ».—А недоимки у васъ на нихъ есть?—«Нѣту. Недоимщиковъ сдаемъ мы первыхъ въ рекруты».—Ну, любезный, спасибо за урокъ. Вотъ вѣдь ты и самъ меня учишь дѣлать такъ, какъ вы дѣлаете. Выпишемъ же мы съ тобой по подворной описи села Михайловскаго вашихъ-то недоимщиковъ, и ты по ихъ списку, за моей рукой, въ этотъ наборъ отдашь ихъ испремѣнно, если они всего оброка не заплатятъ.—«Это

нельзя-съ; будемъ просить княжну вести по-старому».—Можно, дружокъ, можно! Княжна далеко, а наборъ на носу, и ярославскій губернаторъ отъ меня ближе, чѣмъ отъ васъ помѣщика. Стоитъ ему узнать о вашихъ беззаконныхъ порядкахъ, тогда ваша Казанка улетитъ къ чорту,—отойдетъ въ казну.—По сказанному и по писанному мною все было сдѣлано, т.-е. не совоѣмъ все, недоимщиковъ въ селѣ Михайловскомъ, которымъ грозило рекрутство, никакихъ уже не оказалось, и рабы рабовъ опять пошли въ рекруты, но уже въ послѣдній разъ. Возвратившуюся владѣлицу я убѣдилъ взять деревню Казанку за себя взамѣнъ накопившихся недоимокъ старыхъ годовъ по этому имѣнію.

Когда въ послѣднее десятилѣтіе передъ эмансипаціей дѣятельностью правительства возбуждены были различныя препятствія промышленности людьми при рекрутскихъ наборахъ; когда между высшими административными лицами губерніи правительство, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, начинало находить себѣ ревностныхъ исполнителей новаго либеральнаго направленія; когда богатые крестьяне уже не покупали людей въ рекруты, а нанимали за себя охотниковъ, которые большею частью продавались сами,—и тогда, и въ этихъ случаяхъ помѣщики опытные и ловкіе брали по крайней мѣрѣ двѣ трети денегъ за охотника себѣ въ карманъ, отдавая ему самому самую ничтожную сумму. Такая сдѣлка происходила слѣдующимъ образомъ.

Охотникъ, если онъ былъ крѣпостнымъ дворовымъ или крестьяниномъ другого помѣщика, безъ вѣдома ему самому, то есть охотнику, также продавался, но уже не по купчей на него крѣпости, ибо всякая продажа была на послѣдокъ воспрещена. Въмѣсто же продажнаго акта давалось ему, т.-е. не ему въ руки, а въ руки его покупателя, отпускной листъ. Покупатель, приславъ гдѣ-нибудь на сторонѣ отчаяннаго пьяницу, отбивающагося отъ семьи забулдыгу, подговаривалъ его за небольшія деньги и за кутежъ въ полномъ развалѣ въ продолженіе 2-хъ, 3-хъ до набора мѣсяцевъ согласиться идти за него охотникомъ. Такихъ забулдыгъ между фабричными помѣщичьими крестьянами находить было возможно, цѣна на нихъ была отъ 200 до 300 рублей, и, смотря по времени, продовольствіе и удовольствіе такого охотника могло становиться покупателю еще рублей сто, а много двѣсти. Но настоящая сдѣлка охотнику была не 500 рублей на него издержанныхъ, а болѣе чѣмъ вдвое. Эту послѣднюю сумму получалъ отъ покупателя продавецъ охотника, помѣщикъ, давая отпускную въ руки пріобрѣтателя

и на его собственный страх. Врачи, воинскіе пріемщики и кто-нибудь изъ членовъ рекрутскаго присутствія всегда бывали уже подмазаны. Первые еще до ставки его у себя на дому уже видѣли и осматривали, и какъ скоро вводился этотъ несчастный въ рекрутское присутствіе, предлагали ему, пьянствовавшему въ продолженіе цѣлаго мѣсяца и ошеломленному рѣшительною торжественностью послѣдняго совершающагося надъ нимъ акта, одну половину формальнаго вопроса: точно ли онъ идетъ охотой въ рекруты? умалчивая о томъ, что ему уже дана была отпускная, онъ уже не крѣпостной, а свободный, и что поэтому отъ него совершенно зависитъ итти въ рекруты или не итти и пользоваться данной свободой. Всѣ подробности такихъ продѣлокъ узналъ я отъ одного изъ торгующихъ людьми господъ, Можайскаго помѣщика князя Крапоткина, который при мнѣ на дому у предсѣдателя Можайскаго рекрутскаго присутствія просилъ его и тутъ же меня, какъ перваго члена этого присутствія, принять охотникомъ проданнаго имъ человѣка одному волостному головѣ государственныхъ крестьянъ. Предсѣдатель изъяснилъ безусловное свое на то согласіе, я тоже согласился, но имѣлъ глупость предупредить тутъ же князя, что я потребую отпускную, отдамъ ее охотнику въ руки и прибавлю, что онъ можетъ теперь итти или не итти въ рекруты.

— Помилуйте, вы такъ все мое дѣло испортите,—отвѣчалъ съ раздраженіемъ князь, и рекрутъ-охотникъ представленъ къ намъ не былъ, его свезли въ Москву въ губернское присутствіе, гдѣ безъ дальнѣйшихъ объясненій его и приняли.

Уже и прежде, въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I, обращено было вниманіе правительства на общее злоупотребленіе всѣхъ помѣщиковъ безъ исключенія, введенное обычаемъ прежнихъ временъ въ отправленіи ихъ крѣпостными крестьянами рекрутской повинности. Въ самомъ началѣ, какъ мы видѣли выше, казна находила въ ней источникъ государственныхъ доходовъ продажею рекрутскихъ квитанцій. Мелкопомѣстные продавали своихъ крестьянъ и дворовыхъ болѣе по нуждѣ, нежели изъ прихоти богатымъ крестьянамъ другихъ помѣщиковъ для отдачи за свои семьи въ рекруты. Мы видѣли также, что другіе богатые, чиновные, знатные по роду и даже самые передовые по образованію и развитію въ нихъ либеральныхъ идей поощряли такой торгъ людьми въ рекруты до временъ эмансипаціи, дозволяя своимъ крестьянамъ покупать на свое имя людей для освобожденія пріобрѣтателей отъ тяжелой повинности. Видѣли мы, наконецъ, въ имѣніи, вре-

менно мною управляемомъ, самый рѣзкій и, по моему мнѣнію, самый возмутительный примѣръ подобнаго барскаго снисхожденія. Вѣроятно, примѣръ этотъ былъ не единственный. Съ тѣхъ поръ, какъ и продажа квитанцій и явная торговля людьми начали встрѣчать со стороны правительства справедливое затрудненіе, стали торговать продажею охотниковъ въ видѣ найма. Тутъ былъ рискъ, но онъ, какъ мы видѣли, иногда удавался. Кромѣ всѣхъ сихъ проявленій помѣщичьяго произвола, мало-по-малу въ этомъ отношеніи стѣсняемаго, многіе самыя лучшіе изъ помѣщиковъ, желая сохранить или предохранить отъ разстройства лучшія зажиточныя крестьянскія семьи, спасти ихъ отъ рекрутства, ставили въ рекруты за такіе дома штрафныхъ одинокихъ крестьянъ или дворовыхъ дурного поведенія. Но и въ такихъ случаяхъ вмѣшалось безнравственное корыстолюбіе, соблазнъ, которымъ и я сначала увлекался, ибо и я самъ бралъ съ богатыхъ крестьянъ деньги отъ 1000 до 1500 ассигнаціями, ставя за ихъ семью то дворовыхъ, то штрафныхъ крестьянъ даже изъ другихъ моихъ имѣній за михайловскія семьи зажиточныхъ и исправныхъ во всемъ домохозяевъ. Только въ послѣдствіи, времени лѣтъ за 15 до эмансипаціи, додумался я, что поступать такимъ образомъ недобросовѣстно и, опредѣливъ цѣну за освобожденіе отъ рекрутства 500 рублей, бралъ эти деньги не въ мой собственной карманъ, а въ мірскую крестьянскую кассу.

Продажа помѣщиками крѣпостныхъ всего болѣе распространялась на женщинъ. Ихъ продавали не одни мелкопомѣстные, но и достаточные средней руки господа, не по одной нуждѣ въ деньгахъ, а по недостатку въ невѣстахъ для своихъ собственныхъ крестьянъ. Извѣстно, до какой степени церковные законы стѣсняли браки родственными связями. Духовное родство по крещенію и кумовству мѣшало многимъ жениться въ своихъ вотчинахъ настолько, насколько и родство по крови. Подъ конецъ едѣланы были нѣкоторыя облегченія, но разрѣшеніе вопроса о степеняхъ родства, не допускающихъ брака, зависѣло отъ епархіальнаго начальства, слѣдовательно, отъ консисторіи, присутственныхъ мѣстъ, изъ всѣхъ подобныхъ самыхъ притязательныхъ и ябедническихъ. Запрещеніе, истекавшее изъ крѣпостнаго права, вступать въ браки безъ позволенія помѣщиковъ часто бывало причиной, что женихи не могли находить себѣ невѣсть въ односельныхъ деревняхъ, гдѣ все между собою родня. Случалось, что въ большихъ имѣніяхъ, гдѣ уже помѣщики, какъ, напримѣръ, со времени моего отца и при мнѣ, не вмѣ-

шивая своего произвола въ браки, не женили крестьянъ по приказу, не отдавали вдовъ и дѣвокъ по принужденію,—случалось, говорю, въ такихъ имѣніяхъ, что ни одна крестьянская вдова или дѣвица не изъявляла согласія, какъ ея ни уговаривали, выйти за какого-нибудь крестьянина, не потому, чтобы онъ былъ человѣкъ порочный, но потому, что онъ былъ или бѣденъ или худосилень, не родной въ семьѣ, а приемышъ, или потому, что былъ вдовъ, съ малолѣтними дѣтьми, одинокій, не имѣвшій въ своемъ дворѣ ни одной бабы работницы, которая бы могла помогать въ женскомъ дѣлѣ будущей мачехѣ его полдюжины малолѣтокъ. Между тѣмъ такому именно крестьянину женитьба была необходима, иначе пропадалъ онъ самъ, пропадали его дѣти. Не одинъ, а много разъ приставали ко мнѣ вдовы крестьяне, обремененные дѣтьми, съ просьбами женить ихъ непременно и какъ можно скорѣе. Иной проситель приходилъ за этимъ ко мнѣ въ день похоронъ первой своей жены. За нихъ, зная коротко по себѣ всю нужду крестьянскаго хозяйства въ бабѣ, заступались деревенскіе старшины, и ходатайствовали сельскіе священники, совѣтуя измѣнить по нуждѣ мой законъ и употребить принужденіе, неволю. Дѣлать было нечего, долженъ былъ уступить, но все-таки не рѣшился женить людей по страсти. Прошу моихъ читателей прочесть въ одной изъ миленькихъ комедій гр. Соллогуба отвѣтъ одного старосты сантиментальной помѣщицѣ. Молодая элегантная дама, воспитанная въ Смольномъ или Екатерининскомъ институтѣ и только что вышедшая замужъ по страсти, жила то въ Петербургѣ, то за границей и пріѣхала въ первый разъ въ свое собственное оброчное имѣніе; угостила обѣдомъ крестьянъ и крестьянокъ, одарила послѣднихъ и расспрашивала съ любопытствомъ молодыхъ, любятъ ли онѣ нѣжно своихъ мужей; тѣ, разумѣется, захихикали и стыдливо закрывали лица руками; отвѣта отъ нихъ она не добилаcь. «Не правда ли,—обратилась она тогда къ старостѣ,—онѣ выходятъ всѣ по любви».—То-есть какъ это по любви?—«Ну, коли ты не понимаешь, разумѣется, по страсти».—Вѣстимо дѣло, сударыня, по страсти; иную коли не пристрастишь, ни за что не пойдеть, хоть колъ на головѣ теши; охота ли ей будетъ выходить за вдоваго на чужихъ дѣтей.—Итакъ, у насъ въ имѣніи по страсти не выходили, а чтобы не разорять какого-нибудь вдовца, который приставалъ приневолить за него невѣсту, что совѣтовали и мнѣ мои вотчинные начальники съ деревенскими выбранными отъ крестьянъ старшинами, самъ придумалъ я, и то не вдругъ, послѣднее средство спасти отъ гибели вдоваго

крестьянина и его сиротъ. «Попробуй, — сказалъ я одному неугомонному просителю-жениху, — искать невѣстъ себѣ на сторонѣ». — Да изъ чужихъ-то подавно никто за меня не пойдетъ. — «Толкнись, любезный, къ мелкопомѣстнымъ дворянамъ въ Судьбище; у нихъ, говорятъ, бываютъ продажныя вдовы и дѣвки; авось найдешь подходящую за себя, а чтобы и такой не слишкомъ было неволи, обѣщай ей отъ меня, что она, если пойдетъ охотою, на весь свой вѣкъ будетъ освобождена отъ барщины». Дня черезъ два явился снова страстный женихъ ко-вѣмъ невѣстамъ вообще и съ величайшею радостью объявилъ, что нашелъ славную работницу и дѣвку, которая идетъ по охотѣ въ наше село, и отецъ ея съ матерью отпускаетъ къ намъ со всякимъ удовольствіемъ. Помѣщица продала мнѣ ее за 25 р. сер., гораздо дешевле, чѣмъ продавалась въ то время добрая крестьянская лошадь.

Все это длинное сказаніе о невольномъ передвиженіи изъ рукъ въ руки заключаю здѣсь хвастливымъ отзывомъ о развитіи своего хозяйства и своихъ отъ него доходахъ, сдѣланнымъ мнѣ одной ярославской помѣщицей, г-жей Смолиной. Познакомился я съ ней потому, что ея дочка, очень хорошенькая собой и очень эмансипированная, выходила замужъ за моего внучатнаго брата, гвардейскаго офицера Теплякова. Давала она въ приданое за ней не менѣе 500 ярославскихъ душъ и увѣряла, что получала съ нихъ 5.000, а иногда 7.000 дохода. Когда я сталъ ей объяснять, что, какъ ни разочитывай, повѣрить такому доходу трудно, она подъ конецъ вынуждена была мной называть опредѣленно источники такихъ чрезмѣрныхъ доходовъ, и вышло, что она всѣхъ безъ исключенія своихъ вдовъ и дѣвокъ продавала въ замужество на сторону и за большія деньги, а крестьянъ въ рекруты. Ея же собственные крестьяне должны были сами покупать невѣсть, а равно и ставить за себя продаваемыхъ другими въ рекруты. Все это дѣлалось сплошь да рядомъ на моей памяти и развѣ только весьма не многихъ приводило въ негодованіе; все это были одни цвѣточки, а не ягодки крѣпостничества. Указывая на темныя его стороны, я привожу только тѣ примѣры, которые были въ обычаѣ у всѣхъ помѣщиковъ вообще другихъ и хорошихъ, такіе случаи которые исходили изъ рабства по законамъ исторической давности, иногда и по законамъ писаннымъ, но по теченію времени мало-помалу постоянно смягчаемымъ. Впрочемъ, относительно браковъ у крѣпостныхъ крестьянъ еще уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича воспрещаемо

было помѣщикамъ употреблять свою власть,—обычай шель тутъ врозь съ закономъ.

Въ концѣ 30-хъ годовъ принялъ я въ управленіе небольшое имѣніе моей жены въ Смоленской губерніи, доставшіяся ей 200 душъ послѣ раздѣла съ родной сестрой. Выбранный крестьянами словоохотливый бурмистръ явился ко мнѣ съ вяземскими пряниками и медомъ-липицомъ на поклонъ отъ міра. Долго разсуждали мы съ нимъ о разныхъ разностяхъ по этому имѣнію, усердно изыскивая средства, какъ бы ввести въ него побольше порядка, чѣмъ было прежде. Старикъ не прекращалъ бесѣды, представляя на мое разрѣшеніе цѣлый рядъ вопросовъ. Около полуночи я утомился и отпустилъ его отъ себя. Спустя полчаса онъ вошелъ опять ко мнѣ въ спальню съ извиненіями, что забылъ спросить еще объ одномъ неважномъ дѣльцѣ. «Какъ прикажете мнѣ быть со свадьбами?»—«Что мнѣ до нихъ за дѣло,—отвѣчалъ я,—какъ было, такъ пусть и будетъ».—«Благодаримъ покорно,—и бухъ въ ноги,—стало, у насъ опять пойдеть попрежнему, на сходкѣ по жеребью».—«Какъ по жеребью?»—«Да мы, батюшка, приводимъ на міръ загодя до храмового праздника всѣхъ нашихъ молодыхъ рябить и ставимъ ихъ въ рядъ, а въ другомъ ряду взрослыхъ дѣвокъ, тутъ и дается имъ жеребій, и кому какъ выдетъ на какой дѣвкѣ жениться, у нихъ на другой день бываетъ помолвка, а въ праздникъ и свадьба». Насилу уговорилъ я этого бурмистра такой обычай отмѣнить, предоставивъ полную свободу женихамъ выбирать невѣсть. «Да развѣ они,—возразилъ Семень Осиповъ,—что-нибудь въ этомъ дѣлѣ смыслятъ?»—«Ну такъ пусть выбираютъ за нихъ родители». Отъ такого приказанія на цѣлые два года крестьянскіе браки замѣшкались; потомъ къ данной мною свободѣ привыкли.

Къ сожалѣнію, долженъ допустить, что многіе и очень многіе изъ помѣщиковъ безнаказанно позволяли себѣ подобныя злоупотребленія. Администрація за то владѣльцевъ не преслѣдовала. Большая часть дворянскихъ предводителей, первая обязанность коихъ состояла въ наблюденіи за обращеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами, или советѣмъ не принимала отъ послѣднихъ жалобъ на нарушеніе свободы брака, или, не желая выдавать своего брата—дворянина, за него всячески заступалась. Иногда невольный бракъ служилъ наказаніемъ провинившейся изъ дворовыхъ. Ее выдавали неволей за самаго ледащаго крестьянина, а этого насильно на ней женили, не принимая отъ него никакихъ отговорокъ, что какая-нибудь кружевница или

швее ни на что ему не пригодна. Совершавшій таинство брака священникъ и причетъ безпрекословно ихъ вѣнчали въ угоду помѣщиковъ или скорѣе помѣщицъ, которыя болѣе, чѣмъ ихъ мужья, въ подобныхъ случаяхъ проявляли свою власть.

Крѣпостной могъ быть не только проданъ, но и подаренъ другому, и въ прежнемъ нашемъ быту такихъ случаевъ не обещься. Крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ дарилось особенно барынями порядочное количество. Набожныя барыни любили награждать своихъ духовныхъ отцовъ или поступались знакомымъ купцамъ или купчихамъ, хотя ни тѣ ни другія не имѣли права имѣть у себя крѣпостныхъ и держали ихъ у себя въ рабствѣ, часто весьма тяжело, на имя дарителей. По недостатку въ деньгахъ или по скупости дарили людей судейскимъ и приказнымъ за ихъ одолженіе по тяжбынымъ и слѣдственнымъ дѣламъ. Тетушка моя, Алена Яковлевна, имѣла по Богородицкому своему имѣнію процессъ о сотнѣ десятинъ земли. Нашъ управляющій Шиловъ былъ ея стряпчимъ и, казалось мнѣ, вмѣстѣ съ секретаремъ суда нарочно продолжалъ дѣло, чтобы выпрашивать у моей тетушки побольше денегъ на дачу взятокъ членамъ суда, гдѣ оно производилось, и чаще всего пріятелю своему секретарю. Какъ-то разъ, пріѣхавъ въ Москву, началъ я говорить съ нею про это дѣло, совѣтуя кончить поскорѣе. «Спасибо, что ты мнѣ напомнилъ! Знаешь мою Матрешку (дѣвочку лѣтъ 12, которая ей прислуживала)? Твой Шиловъ уговариваетъ меня подарить ее богородицкому секретарю Крестовозвиженскому; ну, да я ему отвѣчала, что ты ужъ разъ отговорилъ дѣлать подарки людьми, вотъ я и сказала ему, что подожду тебя, а подарить по дѣлу о землѣ, говорить, неотмѣнно надо; оно конечно, выгоднѣе было бы отдать ему дѣвчонку, она безродная, она лишняя, такъ только балуется, а денегъ и такъ много пошло на этотъ проклятый судъ». Я обратился къ христіанскому чувству доброй моей тетушки, представляя ей, что Матрешка точно такой же человѣкъ, какъ и мы, что житіе ея въ крѣпости у секретаря будетъ прескверное и что можно дарить только кошками и собаками, а не людьми. Она меня поняла, какъ понимала и прежде, но о томъ забыла, послушалась, и Матрешка осталась при ней.

Не желая затруднять себя при составленіи моихъ «Записокъ» различными справками, я не стану ни утверждать, ни отрицать бывали ли наши крѣпостные, подобно римскимъ рабамъ, закладываемы, промѣниваемы или отбираемы за долги. Думаю, однако, что всѣ эти случаи по стариннымъ законамъ и обычаямъ

подъ разными видами повторялись и у насъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что помѣщики отдавали въ услуженіе своихъ людей другимъ господамъ часто безъ всякаго условія и даромъ, по родству или по пріязни; такъ напр., мои дворовые служили и моей теткѣ, а ея у меня. Хотя въ послѣдствіи подобная передача слугъ однимъ господиномъ другому и была затрудняема закономъ, но полиція нигдѣ въ это не вступалась и не требовала на нихъ ни видовъ, ни паспортовъ. Бывали примѣры злоупотребленія такого рода явные и въ большихъ размѣрахъ. По жалобамъ западныхъ и, кажется, смоленскихъ помѣщиковъ на недоимки оброчныхъ крестьянъ правительство утвердило за такими помѣщиками право отдавать въ работу мужиковъ различнымъ подрядчикамъ, но такое распоряженіе распространено было на однѣ бѣлорусскія и, если не ошибаюсь на Смоленскую губерніи, и контракты съ нанимателями владѣльцевъ должны были сообразоваться съ узаконенными на то правилами, коими правительство старалось по возможности обезпечить отчасти и безбѣдное существованіе работниковъ. Именно въ это время, а можетъ быть и прежде, помѣщики прочихъ губерній отдавали за договорную въ свою пользу плату крестьянъ на фабрики, а плотниковъ и каменщиковъ—на производство разныхъ построекъ. Но подобныя отдачи людей вънаймы не могли совершаться по формальнымъ условіямъ, потому что законъ допускалъ послѣднее только въ Западномъ краѣ. Крестьяне, отдаваемые въ работу, часто на это жаловались. Мнѣ были въ свое время извѣстны ихъ возмущенія, или такъ называемые крестьянскіе бунты огромной толпы. Не одинъ разъ приходили жаловаться губернатору на то, что помѣщикъ всѣхъ способныхъ къ работѣ изъ селенія отдалъ незаконно на фабрику Лепешкина. Къ сожалѣнію, то же самое дѣлали люди весьма порядочные.

Кромѣ того, существовалъ еще одинъ видъ крѣпостничества, замѣчательный своею особенностью; по законамъ наше духовенство, равно какъ и купечество, не имѣло права владѣть людьми подобно дворянамъ. Привилегія имѣть при себѣ крѣпостныхъ исключительно принадлежала первому высшему сословію Имперіи; но и купцы и наши пастыри не могли устоять отъ соблазна пользоваться даровою, дешевою прислугой. Чтобы имѣть ее, тѣ и другіе прибѣгали къ обману, скоро вошедшему уже повсемѣстно въ обычай. Они покупали дворовыхъ, иногда и крестьянъ, на имя своихъ благодѣтелей или пріятелей изъ дворянъ и, такимъ образомъ, держали у себя цѣлыя семьи въ

крѣпости. Обычай этотъ, во многихъ мѣстахъ укоренившійся, побудилъ правительство издать законъ, въ силу котораго, когда подобное злоупотребленіе обнаруживалось, подвергались штрафу по 200 руб. за мужскую и по 100 руб. за женскую ревизскую душу тѣ лица, на имя которыхъ были куплены эти люди, равно какъ и незаконные ихъ пріобрѣтатели; крѣпостные же ихъ люди или же работники получали свободу.

У меня самого была предлинная и пренепріятная исторія по этому случаю съ давно умершимъ моимъ духовнымъ отцомъ, священникомъ церкви св. Николая въ Плотникахъ, что Арбатѣ, Ф. А. Лебедевымъ. Батюшка мой позволилъ ему, и очень напрасно, купить какую-то вдову съ дѣвочкой на его имя. Вдова, привыкшая къ ребенку, долго и усердно прослуживъ мнимому своему господину, умерла. Дочь выросши начала отъ хозяина своего отлынивать. Только по принесеннымъ мнѣ на нее жалобамъ отъ моего духовника узналъ я, что и у меня есть подобная крѣпостная, незаконно принадлежащая другому. Священникъ просилъ, наконецъ, чтобы я его отъ нея избавилъ, т.-е. взялъ къ себѣ за деньги или кому-нибудь продалъ. Наконецъ, она совсѣмъ отъ него убѣжала, отыскать онъ ея не могъ и неотступно требовалъ, чтобы я заплатилъ за дѣвку 100 руб. Напрасно сперва говорилъ я ему, что далъ себѣ слово людей никогда не продавать, а потомъ, что за бѣглую, которою владѣть онъ не имѣетъ никакого права, давать ему сто рублей рѣшительно не намѣренъ; мы едва съ нимъ за это не поссорились, и каждый разъ послѣ исповѣди онъ попрекалъ мнѣ, что я его обидѣлъ. Я отвѣчалъ ему, что не считаю себя передъ нимъ виноватымъ.

Одинъ изъ нашихъ Михайловскихъ приходскихъ священниковъ долженъ былъ заплатить значительный штрафъ за неправильно владѣемую имъ семью на чужое имя и долго кряхтѣлъ отъ такого убытка; людей, ему давно служившихъ, у него отобрали, да еще чуть ли не 600 или 700 руб. взыскали пени. Самому мнѣ въ бытность мою предводителемъ въ Серпуховѣ удалось способствовать къ освобожденію цѣлой семьи дворовыхъ, которыхъ тамошній квартальный изъ дворянъ отдалъ за деньги въ услуженіе какому-то купцу; ихъ обоихъ оштрафовали на порядочную сумму, а людей отобрали и дали имъ свободу. Но къ великому моему сожалѣнію не удалось мнѣ освободить цѣлую деревню изъ 100 ревизскихъ душъ, которыхъ серпуховской купецъ Потаповъ купилъ на имя овоей дочери, вышедшей замужъ за дворянина: распоряжался же и владѣлъ ею самъ ку-

пецъ. Я уже успѣлъ представить губернскому начальству этотъ случай и требовалъ законнаго слѣдствія; мнѣ долго не отвѣчали и протянули до конца моей службы по выборамъ, и купецъ, кажется, долго послѣ меня хозяйничалъ этой деревней на правѣ помѣщика.

Не знаю, до какихъ поръ держался еще одинъ законъ, выражавшій собою всю возмутительную силу крѣпостнаго права человека надъ человекомъ; въ немъ было сказано, что за убитаго помѣщичьяго крестьянина крестьяниномъ другого помѣщика господинъ убійцы обязанъ былъ вознаградить помѣщика потерпѣвшаго убытокъ, т.-е. дать ему за убитаго другого крестьянина изъ своего имѣнія. Не говоря уже о возмутительномъ способѣ вознагражденія за насильственную смерть, и въ матеріальномъ отношеніи законъ оказывается несправедливымъ къ помѣщику, которому принадлежалъ убійца. Этотъ помѣщикъ безъ всякой вины терялъ, такимъ образомъ, двухъ работниковъ—одного, т.-е. убійцу, котораго правительствосылало на каторгу, и еще другого, котораго онъ отдавалъ замѣнъ убитаго. Въ самомъ законѣ ясно и возмутительно выражалась неприкосновенность помѣщичьихъ правъ

Наши крѣпостные не имѣли права ни въ какихъ случаяхъ приносить жалобы на своихъ господъ. Если это у насъ и допускалось, то не иначе, какъ съ нарушеніемъ коренныхъ законовъ, какъ бы тайкомъ, въ одиночку отъ каждаго. Въ тѣхъ случаяхъ, когда жалобы на притѣзненія помѣщика приносились какой-нибудь власти отъ многихъ лицъ, то администрація, не входя еще въ разсмотрѣніе причинъ на жалобы, признавала просителей за бунтовщиковъ и наряджала по этому поводу дознаніе или слѣдствіе, съ перваго же шага подозрѣвая преступное возстаніе противъ власти, что такъ часто во время оно называлось бунтомъ крестьянъ. Слѣдователи, служащіе по выбору отъ дворянъ, а всѣхъ болѣе уѣздные предводители почти всегда тянули на сторону помѣщиковъ, и въ случаяхъ весьма рѣдкихъ приносившіе жалобу крестьяне получали небольшое облегченіе въ своемъ жалкомъ быту. Въ свое время разскажу я два произведенныя мною слѣдствія. Само собой разумѣется, что при такомъ порядкѣ вещей наше законодательство не допускало никакихъ доносовъ отъ крестьянъ на помѣщиковъ и что крестьяне ни по какимъ дѣламъ, ни гражданскимъ, ни уголовнымъ, не могли быть призываемы въ свидѣтели противъ своихъ владѣльцевъ. Навѣрное не помню но, кажется мнѣ, что въ старые годы крѣпостныхъ ставили на правѣ замѣсто своего господина по его требованію, т.-е. подвергали пыткамъ.

Возвращаюсь къ разсказу о моемъ завѣдываніи Михайловскимъ, завѣдываніи, патріархальность котораго склоняла вѣсы управленія на сторону крестьянъ. Въ этомъ Михайловскомъ, вѣроятно чаще, нежели у другихъ помѣщиковъ, крестьяне повторяли мнѣ и управляющему простыя, радушныя, но не безхитростныя рѣчи: «вы наши отцы, мы ваши дѣти», и тутъ же кстати и не кстати прибавляли: «мы ваши, а земля наша». Мало-по-малу эти наши дѣти при неурядицѣ управленія начали смотрѣть и на господскую землю, лѣса, покосы, пастбища, какъ на принадлежащую имъ землю. Вездѣ были порубки, потравы, заѣзды по полямъ. Веровства было несравненно меньше, нежели теперь, но безпорядокъ, допущенный въ господскомъ хозяйствѣ, увеличивалъ и безпорядокъ у самихъ крестьянъ: и у помѣщика, и у его крѣпостныхъ много добра пропадало даромъ, какъ говорится въ просторѣчій—кинью.

Составъ моего управленія былъ слѣдующій. Постараюсь припомнить себѣ самыя имена. Главнымъ помощникомъ управляющаго Тарасова былъ избранный имъ бурмистръ Тимоѣей Ѳедоровичъ Бакуткинъ, изъ деревни Козловки, голова всему имѣнію, добрый, рохлый, но усердный, хотя и лѣнивый. Старостой 1-го отдѣленія, въ которомъ была и главная господская усадьба, Прохоръ Тимоѣевичъ, умнѣе и надежнѣе бурмистра Старостой 2-ой половины былъ чрезвычайно умный и не старый богатый мужикъ Яковъ Евстаѣевичъ. Онъ особливо пришелся мнѣ по праву тѣмъ, что не слишкомъ норовилъ крестьянамъ, не потакалъ имъ и никогда не оправдывалъ выковатыхъ, но зналъ ихъ нужды и въ важныхъ случаяхъ открыто за нихъ же по своему заступался. Бывало, не разъ говаривалъ онъ мнѣ, когда дѣло доходило до упрековъ ему за частыя порубки въ лѣсахъ: «Батюшка Д. Н., не было бы у насъ лѣсныхъ воровъ, не было бы у насъ и дворовъ». Старостой 3-го отдѣленія (1-ое и 2-ое назывались тогда еще половинами, третье же прямо сельцомъ Никольскимъ), былъ крестьянинъ изъ семьи Ефимочкиныхъ. Эта семья была самая зажиточная во всей вотчинѣ, въ ней было около 10 тягловыхъ работниковъ, а всѣхъ съ женщинами и малолѣтними, въ трехъ избахъ на одномъ дворѣ, подъ рукой одного хозяина, старшаго брата, человѣкъ до 40. У нихъ на гумнѣ было больше скирдовъ хлѣба и сѣна, чѣмъ у иного соседняго мелкопомѣстнаго. У нихъ былъ цѣлый табунъ лошадей и свои заводскіе кони. Главой этого дома былъ большой мой пріятель, крестьянинъ Архипъ Ефимовичъ, потому-то ихъ и

называли сперва Ефимочкиными, а потомъ Архиповыми. Вся эта семья жила въ мирѣ и изобиліи и долго, пока правилъ ею Архипъ, не соблазнялась на раздѣлъ. Держава въ ней была строгая, сору она изъ своей избы не выносила и никогда до конторы съ жалобами на внутренніе раздоры не доходила. Бабы въ ней не дурили. Привожу здѣсь разсказъ Архипа, въ которомъ выразился и его собственный характеръ и его время. (О моихъ разсказахъ о Михайловскомъ надобно замѣтить, что они принадлежатъ не одному, а цѣлому ряду годовъ, въ продолженіе коихъ правилъ я Михайловскимъ сначала посредствомъ Тарасова, а потомъ и самостоятельно, иначе память бы мнѣ измѣнила, неспособная приводить разные случаи по годамъ, особливо же въ разсказахъ курьезныхъ анекдотовъ. Отвѣчаю за вѣрность цѣлаго, а потому и не вхожу въ отдѣльныя повременины подробности.)

Итакъ, разсказывалъ мнѣ однажды Архипъ Ефимовичъ о своемъ хожденіи въ Кіевъ, къ Печерскимъ угодникамъ на богомолье. «Отпросившись у Никол. Серг. (т.-е. Тарасова) послѣ Петровоу, пришелъ я третьяго дня домой, слышу, ты здѣсь, и вотъ тебѣ, батюшка, изъ Кіева образокъ и просфорка, да еще колечко отъ мученицы Варвары».—«Сколько же ты времени проходить?»—«Да съ мѣсяцъ, а не то и поболѣ».—«Небось стало дорого? Скажи правду, сколько потратилъ?»—«Не больно, батюшка, дорого, я вѣдь пѣшкомъ туда сбѣгалъ и назадъ тоже, и хоша ноженьки уставали, благодаря Творцу Небесному нигдѣ на телѣгу не присаживался».—«Но говори, однако, сколько? Да говори правду». Мнѣ хотѣлось попрекнуть его въ лишніхъ и, по моимъ понятіямъ, вовсе ненужныхъ расходахъ. «Ну что, батюшка, и всего-то цѣлковенькій».—«Ужели всего на все?» (На ассигнаціи—4 рубля, цѣнность цѣлковаго того времени.)—«Такъ, батюшка, ей-ей такъ. Я вѣдь ходилъ Христовымъ именемъ, мірскою милостыней».—«Какъ? просто по міру?»—«Вѣстимо дѣло. На что же намъ грѣшнымъ и дано Христово имя. Кормили меня даромъ, добрые люди давали милостыню, кой на что, примѣрно сказать: на лаптишки или на калачикъ, грѣшнымъ дѣломъ захочется и побаловаться, да и рубликъ-то свой поистратилъ я по церквамъ то на свѣчи, то на поминки по родителямъ».

Теперь совсѣмъ другое. Въ 1871 г. на Святой явились ко мнѣ въ Москву повидаться трое изъ Михайловскихъ крестьянъ прямо отъ Троицы. Похристосовавшись, на спросы мои отвѣчали, что весь ихъ путь по желѣзной дорогѣ отъ самой деревни черезъ

Орель, Москву до лавры и назадъ стоитъ имъ будетъ каждому рублей около 17, и что они о деньгахъ не жалѣютъ. Вотъ вамъ и мѣрка избытка нынѣшнихъ крестьянъ, разительная перемѣна понятія ихъ о хожденіи къ святымъ мѣстамъ, начавъ съ того, что отъ нихъ никакого подноса уже мнѣ не послѣдовало. Легкое ли дѣло по 60 рублей ассигнаціями на брата! Вся-то семья богача изъ всѣхъ, Архипа, едва ли проживала на деньгу втрое больше того во время Архипова богомолья въ Кіевъ.

Хочется мнѣ наименовать тутъ же и другихъ извѣстныхъ мнѣ крестьянъ, которыхъ называлъ я про себя своего рода аристократами, т.-е. болѣе или менѣе богатыми и вліятельными на весь вотчинный міръ. Я не только зналъ ихъ всѣхъ и зналъ коротко, но по возможности спасалъ ихъ отъ рекрутчины, всегда берегъ, помогалъ имъ и поддерживалъ ихъ значеніе между крестьянами. Такими были: во-первыхъ, помяну не святѣйшій правительствующій синодъ, а крестьянина деревни Барановки, Василю Ивановича Лысанова, и хозяевъ двухъ дворовъ въ другихъ деревняхъ того же имени, на деревнѣ Бѣляевкѣ три семьи Бѣляевыхъ, по фамиліи коихъ прозвана была и вся деревня. Въ первомъ по уряду и избытку изъ этихъ дворовъ управляла домовитая вдова Дарья Ивановна, моя кормилица, отчего и слыветъ до сихъ поръ домъ дворомъ Кормилицыныхъ. Добрая, кроткая, не корыстолюбивая, не притязательная была она женщина, дай Богъ ей царство небесное! У нея было до 6 сыновей, и при ея жизни трое изъ нихъ были уже въ тяглѣ. Въ справедливую награду за великую помѣщичку своему службу—она не только его выкормила, но и ходила за нимъ, т.-е. за мной, еще года два послѣ, по кончинѣ моей матери, покуда я, болѣзненный, не прежде трехъ лѣтъ сталъ на ноги—получила она цѣлый участокъ крестьянскаго надѣла, сверхъ того сынъ ея съ своей бабой, мой молочный братъ, освобождался отъ барщины.

Во 2-ой половинѣ зажиточные крестьяне были Бакуткины Сальниковы и Гришечкины, прибавлю тутъ же одинъ дворъ изъ самыхъ бѣдныхъ и только потому, что въ немъ жили два брата Хованскихъ. Сколько ни старался, не могъ я понять, откуда забралось въ нашу глухую степь и перешло къ мужикамъ это родовое имя потомковъ древнихъ литовскихъ князей; да еще не далеко отъ моихъ крестьянъ деревни Козловки у Хилкова были крестьяне Куракины. Въ томъ и другомъ имѣніи собственно русскихъ производныхъ звуковъ не слышится, а старинныхъ помѣщиковъ этихъ родовъ ни въ Тульской, ни въ Ярославской

губерніяхъ по моимъ справкамъ не было. Прошу надъ этимъ позаняться изслѣдователей, нашихъ Погодиныхъ.

Село Михайловское, Архангельское—по приходской церкви во имя архангела Михаила, Мансурово и Хилково—по фамиліи своихъ владѣльцевъ, а потомъ пожалуй и Свербеево тоже, образовалось изъ замежеванной въ окружной междѣ за прежними владѣльцами Хитровымъ и Мансуровымъ дачи, въ количествѣ 12.000 съ сотнями десятинъ, изъ поземельнаго ихъ права по писцовымъ книгамъ на 1004 четверти съ межами, лугами и примѣрными землями. Какимъ образомъ случилось въ немъ то, чему быть не слѣдовало, почему именно поселенные на этихъ земляхъ крѣпостные обоихъ помѣщиковъ крестьяне расселились деревнями, въ разбивку, отъ чего невольно образовалась между землевладѣльцами черезполосица,—почему это такъ случилось? какъ я ни старался допытаться до причины такого безпорядочнаго распоряженія селеній, узнать ничего не могъ.

Купивъ Мансуровскую половину села Михайловскаго, мой отецъ тотчасъ же увидѣлъ ужасную неурядицу отъ черезполоснаго поземельнаго владѣнія. Въ то время и самыя дачи обоихъ владѣльцевъ и ихъ крестьяне съ крестьянскими полями были перепутаны болѣе, чѣмъ это было необходимо, особливо въ лугахъ. Тогдашній сосѣдь отца по имѣнію, князь Александръ Яковлевичъ Хилковъ, отецъ моего сосѣда, князя Дмитрія, жилъ больше въ чужихъ краяхъ и никогда въ свое Михайловское не заглядывалъ, поэтому батюшка мой долженъ былъ приступить къ домашнему полюбовному разверстанію общей дачи вмѣстѣ съ его управляющимъ, повѣреннымъ Алексѣемъ Федоровичемъ Дубровскимъ. Они составили полюбовный домашній актъ раздѣла земель по удобству и по возможности къ однимъ мѣстамъ, и съ этого-то времени установились, а потомъ и законно утвердились наши поземельныя собственности. Какъ мой отецъ, такъ равно и повѣренный Хилкова, Дубровскій, размѣнялись землями добросовѣстно, но несмотря на то батюшка мой во всю свою жизнь не находилъ возможности убѣдить путешествовавшего по Европѣ и впоследствии проживавшаго въ Петербургѣ своего сосѣда, стараго князя Хилкова, утвердить этотъ раздѣлъ земель формальнымъ, законнымъ образомъ. Поздно, только въ 40-хъ годахъ, формально и полюбовно размежевался я съ сыномъ стараго князя, княземъ Дмитріемъ, допустивъ незначительныя измѣненія противъ прежняго плана.

Коснувшись, впрочемъ, еще слегка до первоначальнаго поверхностнаго моего управленія крестьянами, я долженъ

прибавить здѣсь нѣсколько словъ о вотчинной конторѣ того времени. Въ ней сосредоточивались все управленіе, вся отчетность, всѣ распоряженія. Въ ней тамъ ежедневно записывались наряды на работы, штрафы, взысканія и самыя наказанія, разбирательство жалобъ и просьбъ крестьянъ, ихъ между собою ссоры, которые еженедѣльно, именно по субботамъ, судились въ присутствіи управляющаго бурмистра, всѣхъ вотчинныхъ начальниковъ, т.-е. трехъ старостъ и трехъ десятскихъ всѣхъ трехъ отдѣленій и всѣхъ сельскихъ старшинъ, избираемыхъ крестьянами. Всѣ эти лица составляли общее каждую субботу вечернее присутствіе; по крайней мѣрѣ, такъ было заведено, а иногда такъ и исполнялось. Главнымъ конторщикомъ былъ тотъ самый крѣпостной дворовый Филиппъ Ивановъ, который служилъ мнѣ въ Петербургѣ въ видѣ какого то дворецкаго или буфетчика. Онъ былъ достаточно грамотенъ, понятливъ и писалъ довольно правильно. Воелеваемый въ потокъ тогдашняго либерализма уважаемымъ мною Семеновымъ, о которомъ уже мною было говорено, я пожелалъ за два года до перваго моего отъѣзда въ чужіе края сдѣлать изъ этого Филиппа Иванова сельского учителя. Семеновъ выпросилъ у Оедора Николаевича Глинки, здравствующаго и до сихъ поръ старца въ увери, сему Филиппу позволеніе изучать бывшій тогда въ великой модѣ въ петербургской Ланкастерской школѣ методъ взаимнаго обученія. вмѣстѣ съ назначеніемъ въ конторщики опредѣленъ былъ Филиппъ Ивановъ и сельскимъ учителемъ и дѣйствительно обучилъ грамотѣ дворовыхъ мальчиковъ по таблицамъ, приобретеннымъ черезъ Глинку въ Петербургѣ. Письму по тѣмъ же таблицамъ обучались по способу Ланкастера и Беля не на бумагѣ или грифельной доскѣ, а на пескѣ, опрятно и искусно разсыпанномъ на ихъ школьныхъ столикахъ. Ни тому, ни другому наши школьники порядочно не выучивались. Все это производилось ихъ учителемъ для эффекта, для вида и собственно на показъ мнѣ, когда я пріѣзжалъ въ Михайловское, а потому все и уничтожилось. Помощникомъ конторщика былъ прежній бывшій еще при моемъ отцѣ и при Шиловѣ первымъ конторщикомъ дворовый спившійся Дмитрій Васильевъ Бардовичинъ, великій охотникъ и мастеръ удить рыбу и сочинять всякаго рода сплетни и кляузы; впрочемъ, онъ былъ опытниѣе и дѣльниѣе своего начальника, но главой конторы терпѣть его было нельзя. Еще въ 1812 году по заступничеству за него управляющаго Шилова мой отецъ старался отрезвить какими-либо средствами этого полезнаго пьяницу. Тетка Елена Яковлевна

предложила тогда самое вѣрное средство исправленія людей—женитьбу. Бардовицына женили на молодой вдовѣ, и слѣдствіемъ этой исправительной мѣры было одно то, что онъ пилъ уже запоемъ не въ одиночку, какъ прежде, а вмѣстѣ съ своей супругой. Пословица, приводимая тетушкой: «женится—перемѣнится», надъ нимъ не сбылась, и при мнѣ, какъ врачество отъ пьянства, женитьба уже не повторялась.

Затѣмъ слѣдовало бы мнѣ въ этихъ «Запискахъ» помянуть поименно первыхъ должностныхъ лицъ многочисленной нашей дворни и тѣхъ важныхъ матронъ, которыя были во главѣ дворовыхъ прекраснаго пола и почему-то присвоили себѣ право на какое-то особенное отъ всѣхъ, начиная съ господъ, уваженіе. Я перейду къ подробному перечню всѣхъ этихъ именъ съ ихъ отчествами, но позже. А тутъ кстати трудно мнѣ удержаться, чтобы не указать на нашъ исключительный русскій обычай называть людей по ихъ крещеному имени и, смотря на наши къ нимъ отношенія, добавлять къ этимъ именамъ имена ихъ давно отжившихъ родителей. Слѣдствіемъ такого обычая память русскаго человѣка изощряется постоянно, моя же собственная въ этомъ отношеніи меня самого удивляетъ. Сколько сотенъ, можетъ быть и до тысячи лицъ зналъ я и теперь знаю по имени и отчеству, а многихъ и съ прибавкой ихъ фамиліи или прозвища!

Мнѣ бы хотѣлось начать описаніе нашей многочисленной дворни съ такого человѣка, который съ давнихъ лѣтъ жилъ въ ней, ей не принадлежа, и въ то же время отличаясь отъ всего народонаселенія села Михайловскаго крупными и рѣзкими странностями всей своей личности. Тутъ непривычное къ портретной живописи мое тощее слово робѣетъ. Воображенію моему представляется одна таинственная во всѣхъ отношеніяхъ личность, которая пугала меня въ младенчествѣ, занимала своими странностями все мое отрочество и на всю мою жизнь такъ и осталась какой-то неразгаданной загадкой. Таинственная личность называлась у насъ Зиновеемъ Ефимовичемъ, жила въ нашей Михайловской дворнѣ, но къ ней не принадлежала, добровольно навязала на себя должность сторожа при оранжереѣ и въ этомъ тепломъ помѣщеніи сама собой долго учила грамотѣ дворовыхъ и даже немногихъ крестьянскихъ мальчиковъ. Задавъ себѣ задачу этого описанія, еще наканунѣ нынѣшняго утра припомнилъ я нравственное и физическое очертаніе Зиновея Ефимовича, ночью, какъ есть, видѣлъ его во снѣ, и при всемъ оживленіи во мнѣ моихъ о немъ воспоминаній я увѣренъ, что не буду въ состояніи его достойно представить. Попробуемъ.

Всегда казался онъ мнѣ пожилымъ, лучше сказать—старикомъ. Роста онъ былъ огромнаго, худобы въ тѣлѣ рѣдко встрѣчаемой, особенно худы были его длинныя исковерканныя руки и ноги. Посѣдѣлъ онъ рано, бороду носилъ жиденькую и короткую, козлиную, онъ былъ кость, обликъ его былъ не русскаго типа. Всего болѣе поражало въ немъ и пугало въ потемкахъ людей самыхъ ему близкихъ, тѣмъ, съ которыми онъ жилъ постоянно, то, что этотъ длинный, худой, изнуренный жизнью человѣкъ былъ изломанъ во всѣхъ своихъ суставахъ и къ тому же заика до такой степени, что онъ долго, долго не могъ произнести ни одной фразы и при каждомъ словѣ все его лицо напряженно, конвульсивно дѣлало страшныя гримасы. Пораженному непривычному взгляду представлялся онъ не живымъ существомъ, а какой-то грозной тѣнью человѣка. Женщины и дѣти не скоро къ нему привыкали, да и всѣ вообще дворовые, съ которыми онъ знался, обращались съ нимъ съ какимъ-то чувствомъ страха, прикрытаго заискивающимъ почетомъ, или ласковаго уваженія. Какъ бы нарочно къ усугубленію той таинственности, какою окруженъ былъ этотъ человѣкъ, вѣрнѣе сказать—эта тѣнь человѣка, никто изъ всѣхъ дворовыхъ не могъ опредѣленно сказать, откуда былъ онъ родомъ, кто былъ его отецъ, какой семьѣ онъ принадлежалъ,—однимъ словомъ, что это былъ за человѣкъ. Знали одно, что отецъ мой взялъ его къ себѣ гдѣ-то въ Крыму, когда онъ былъ еще очень молодъ. Повѣствовать о себѣ Зиновей Ефимовичъ не любилъ и такихъ разговоровъ всегда избѣгалъ, какъ бы нарочно заикаясь на этотъ разъ продолжительнѣе, нежели всегда, и еще поразительнѣе гримасничая лицомъ и конвульсивно коверкаясь своими тѣлодвиженіями. Въ такія минуты онъ въ самомъ дѣлѣ становился страшенъ. Самъ ли онъ постарался прослыть на все село знахаремъ, колдуномъ, врачомъ отъ всѣхъ болѣзней и особливо женскихъ истерическихъ, но онъ лѣчилъ всѣхъ, и къ нему за лѣкарствами приходили многіе, хотя всякое лѣчение и было ему не однажды воспрещаемо отцомъ моимъ. Еще строже воспрещено ему было также батюшкой отчитывать по какимъ-то отреченнымъ старымъ книгамъ бабъ и дѣвокъ кликушъ, и всѣхъ тѣхъ, которыя считали себя испорченными отъ какого-нибудь лихого человѣка. Потому же самому не дозволялось ему прибѣгать къ знахарству или колдовству, ворожить, гадать и этими способами отвѣчать вопрошающему, гдѣ и какъ отыскать какую-нибудь пропажу или воровство, но все это, вѣроятно, производилось имъ втихомолку. Рассказывали, что больше всего стремились къ нему

женщины, иные прибавляли къ этому, что Зиновей Ефимовичъ былъ равнодушенъ къ прекрасному полу, что нѣкоторые особы этого пола съ своей стороны находили его почему-то пріятельнымъ. Все это объяснялось въ немъ какимъ-то дьявольскимъ наважденіемъ; ему приписывали всякую чертовщину, я же, напротивъ, зналъ его за человѣка набожнаго и прилежнаго къ церкви. Отецъ мой, сколько я помню, обращался съ нимъ въ непродолжительныхъ встрѣчахъ какъ-то иначе, чѣмъ съ другими нашими дворовыми, какъ-то ласково, но строго и внушительно. Тетушка, а потомъ и семья Тарасовыхъ встрѣчались съ нимъ не безъ страха, я боялся его долго. Напрасно потомъ, придя въ возрастъ и уже сдѣлавшись господиномъ и обладателемъ, старался я узнать загадочное его происхожденіе. Да въ этомъ собственно была моя обязанность: не будучи нашимъ крѣпостнымъ, онъ не имѣлъ при себѣ никакого паспорта или вида. Отъ земской полиціи отбояривался онъ давностью своего у насъ пребыванія, и они, многія поколѣнія сельскихъ сотскихъ, застѣдателей, исправниковъ, а потомъ и становыхъ, отходили отъ него ни съ чѣмъ, въ свою очередь пораженные присущей этому Зиновею какой-то тайной. До послѣдняго моего съ нимъ свиданія, когда—не помню, одному ему по настоящему его требованію давалъ я цѣловать мою руку, смягчая для себя этотъ знакъ дикаго барства лобызаніемъ его странной фигуры. Онъ же уважалъ во мнѣ по собственнымъ его словамъ, значительно и протяжно имъ высказаннымъ, какое-то господство, поставленное выше и помимо собственной воли. Таковъ былъ нашъ загадочный Зиновей Ефимовичъ, къ которому робко обращался съ приказаніями даже самъ надменный своею властью Шиловъ, а дядька мой, начитанный и набожный Вареоломеевичъ, встрѣчался съ нимъ съ какой-то всегда странной улыбкой, какъ будто говорилъ про себя: «Мы васъ знаемъ и понимаемъ». Въ самомъ дѣлѣ дядька мой зналъ его еще въ Крыму, но какимъ зналъ, того мнѣ не высказывалъ. Уже стараго, но еще не дряхлаго, узнала Зиновея и моя жена, кажется, помнить его смутно и старшія мои дочери, а старшій мой сынъ, покойный Николай, интересовался имъ особенно нѣжно и, казалось, любилъ его искренно. Учителство Зиновея шло по неизмѣннымъ преданіямъ старины; учениковъ бывало не много, отъ 6 до 10; у каждаго была въ рукахъ указка, разрисованная по произволѣ и съ разными затѣйливыми вырѣзками, для всѣхъ на стѣнѣ, подъ образомъ, висѣла на гвоздикѣ трехвостная плетка. Училъ онъ по церковной азбукѣ, отъ буквъ, произносимыхъ, разумѣется,

азамп, буками, фертами, ижицами. Потомъ мальчишки переходили къ складамъ, къ разумѣнію титлъ, гдѣ было безконечно трудно имъ отгадывать выпущенныя въ печати гласныя, какъ наприм., Всдржитель, къ чтенію букваря, т.-е. ангель, ангельскій, архангель, архангельскій и т. д., потомъ часослова и къ вѣнцу полнаго курса—псалтирю. Немногіе достигали и такой книжной премудрости, на которую употреблялось отъ 6 до 8 мѣсяцевъ года. Рѣдкіе могли прочесть не складывая тѣ молитвы и псалмы, которыхъ не заучили наизусть. При всемъ томъ потребность грамоты понимаема была уже почти безъ исключенія всѣми дворовыми для ихъ дѣтей и двумя-тремя лучшими, т.-е. болѣе зажиточными крестьянами. Врачебная дѣятельность Зиновея ограничивалась, по счастью, домашними лѣкарствами, всего болѣе употреблялись звѣробой и ромашка. Какими-то горькими травами настаивалъ онъ на водкѣ ерофеичъ, давалъ его въ видѣ капель не взрослымъ, рюмками и стаканами желающимъ подкрѣпиться. Худо было то, что въ особенныхъ случаяхъ лѣчилъ онъ и отъ такихъ болѣзней, которыхъ я не называю и которыя уже и тогда распространялись въ народѣ, средствами очень сильными и въ особенности сулемой, т.-е. меркуріемъ. Крестьяне, не имѣя рѣшительно никакихъ другихъ средствъ врачеванія, ибо уѣздный докторъ, единственный по городу и по всей округѣ не столько для помощи больнымъ, какъ для участія въ полицейскихъ слѣдствіяхъ, былъ крестьянамъ недоступенъ и слишкомъ дорогъ; фельдшеровъ также никакихъ не было. Два, три коновала при конныхъ помѣщичьихъ заводахъ въ уѣздѣ производили безъ толку кровопусканіе, бабки отъ различныхъ болѣзней парили по избамъ въ печахъ, гдѣ бывали случаи, что и задохались, и онѣ же вмѣсто горчичниковъ шанскихъ мухъ и банокъ ставили иногда на спину и на животъ горшки. Не трудно было помѣщику или его конторѣ запрещать Зиновею лѣчить, а больнымъ у него лѣчиться, но при совершенномъ недостаткѣ врачебныхъ пособій они поневолѣ тайкомъ бѣгали къ непризанному врачу за помощью. При такомъ положеніи всего имѣнія, можетъ быть, Зиновею, какъ врачъ, былъ не бесполезенъ, и уже несомнѣнно то, что въ этомъ отношеніи медицинская дѣятельность его проходила не безслѣдно, а педагогическая—успѣха никакого не имѣла, и, однако, учиться грамотѣ отдавали къ нему охотнѣе, чѣмъ въ нашу новую ланкастерскую школу.

Когда лѣтомъ 1817 года пріѣхалъ въ Михайловское на хозяйство въ первый разъ молодой князь Дмитрій Хилковъ

(ему было тогда 27 лѣтъ), онъ болѣе всѣхъ пораженъ былъ нашими загадочнымъ человѣкомъ соединявшимъ въ себѣ и врачество, и учительство, и разныя таинственныя знанія. Въ это время въ Россіи масонство и мистицизмъ были въ самомъ разгарѣ. Хилковъ не принадлежалъ, кажется, никакой сектѣ, но по своей природѣ былъ способенъ ко всякой религіозной мечтательности, увлеченъ былъ въ нее оперва бывшей при его сестрахъ гувернанткой гернгутерскаго толку, m-ле Шредеръ, а потомъ и знаменитою мечтательницею, баронессой Крюднеръ. Съ перваго взгляда на Зиновья Хилковъ далъ мнѣ и себѣ слово, насколько можно, его изучить. По понятіямъ своимъ о масонахъ, хотя онъ имъ и не былъ, Хилковъ, догадывался я, думалъ, что Зиновей могъ быть, конечно, не просвѣщеннымъ, простодушнымъ послѣдователемъ начатковъ ученія масонской премудрости, которой будто бы могъ онъ научиться у моего отца. О моемъ батюшкѣ, умершемъ за три года, Хилковъ могъ знать только то, что имъ основана была въ Орлѣ ложа. Старанія любознательнаго молодого мистика объяснить себѣ сколько-нибудь Зиновья, отыскать въ немъ причину его таинственности оставались безуспѣшными. Колдовство, знахарство, ворожба и непременно рядомъ съ ними простонародное леченіе разными травами и симпатическими средствами тѣми медиками, которые не принадлежатъ школѣ рѣшительныхъ матеріалистовъ, отвергаются, равно какъ и существованіе въ народѣ тѣхъ лихихъ людей, которые по злобѣ портятъ, т.-е. наносятъ вредъ и болѣзни своему ближнему. Не даромъ же говорятъ и о вліяніи на человѣка глаза. Въ первой молитвѣ, даваемой родильницѣ и ея младенцу, Церковь установила молиться о спасеніи новаго христіанина «отъ призора очей». Итальянцы вѣрятъ глазу и боятся его не менѣе насъ, русскихъ. Какъ бы то ни было, Хилковъ по склонности своей ко всему чудесному долго ухаживалъ за Зиновеемъ и, живя иногда по своимъ дѣламъ до наступленія зимы въ Михайловскомъ, вызывалъ его къ себѣ на бесѣду въ длинные зимніе вечера и поднаивалъ чаемъ съ ромомъ,—и все было напрасно. Нашъ чудакъ отличался передъ всѣми дворовыми трезвостью и молчаливымъ, какъ камень, никогда не проговаривался, а можетъ быть и то, что и самъ ничего въ себѣ и за собой ясно не сознавалъ, но въ князѣ Хилковѣ подозрѣнія на счетъ его запаали глубоко и никогда не уничтожались.
